

Лариса
Георгиевна
БЕСПАЛОВА

«КНИГИ СУТЬ РЕКИ, НАПОЯЮЩИЕ ВСЕЛЕННУЮ»

Публикуя статью замечательного филолога, крупнейшего тюменского краеведа Ларисы Георгиевны Беспаловой, мы поздравляем ее с юбилеем и желаем ей новых творческих успехов.

Уникальная библиотека старопечатных книг, хранящаяся в фонде редкой книги Тюменского областного краеведческого музея им. И. Я. Слоцова, — ценнейший памятник культуры. Собрал эту библиотеку просвещенный купец-интеллигент Николай Мартемьянович Чукмалдин (1836—1901). Он являлся энтузиастом просвещения, хотя сам систематического образования не получил, а был самоучкой. Уроженец деревни Кулаковой под Тюменью, он познакомился со старыми книгами в детстве, когда учился грамоте у старика-старовера Скрыпы.

Полюбив книги, Чукмалдин впоследствии решил собрать те, которые составили эпоху в развитии просвещения, книгопечатания и культуры. Он отыскивал их в Москве, Ярославле, Ростове, в других городах и за рубежами России — в Европе, в странах Востока. Переселившись в Москву, Николай Мартемьянович отправлял книги в Тюмень, которая была для него родным городом. «Как ликовал он, заполучив великолепный подлинный экземпляр “Апостола” знаменитого русского переводчика Ивана Федорова или “Острожскую библию”! Все это предназначалось в Тюмень, в музей, который, по мысли основателя, должен был иметь лучшие экземпляры древних изданий, чем Императорская публичная библиотека», — свидетельствует хорошо знавший Чукмалдина Сергей Шарапов.

Уникальную библиотеку Чукмалдин подарил основанному им же музею при Александровском реальном училище. На всех старопечатных книгах можно увидеть овалы красные ярлычки-памятки: «Н. Чукмалдин. Москва». В 1920 г. решением Тюменского отдела народного образования был создан Губернский музей с включением в его состав музея бывшего реального училища, туда перешли и книги. Но довольно долго знаменитые издания хранились небрежно, их привела в порядок заведующая научной библиотекой музея Мария Петровна Черепанова. Библиотека тогда, в 1950—1970-е гг., находилась в подвальном помещении музея на ул. Республики, 2.

Я, доцент пединститута (а затем университета), и некоторые другие добровольцы оказывали Марии Петровне помощь в систематизации драгоценного фонда, в составлении аннотированных указателей. Проведя много дней среди древних книг, окунувшись в их мир, я почувствовала, насколько они велики и значимы. Брать их

Культурная норма

в руки, листать, рассматривать, читать было радостно и грустно. Радостно от сознания, что ты прикоснулся к материальному предмету истории, а грустно потому, что это мир далекого прошлого. От книг исходит чуть слышный запах — запах древности, аромат ушедших времен.

Как книги выглядят? Их обычный переплет — доски, обтянутые кожей, очень часто есть бронзовые застёжки. Из-за превратностей судьбы прочный переплет обычно протерт, не всегда уцелели на нем металлические украшения. Листы желтоваты от времени, иногда на них видны следы восковых капель, — значит, книгу читали при свече. Книги имели и художественное, эстетическое значение. Обычно они начинались заставкой — рисунком, чаще всего растительным орнаментом, после которого шло заглавие, а страницы искусно украшались орнаментом, гравюрами.

Старопечатные книги имеют, главным образом, религиозно-учительное содержание. В ту далекую пору книг светского содержания на Руси почти не было, они появились в XVII в. Все эти книги сыграли большую роль в развитии русской культуры. Они служили просветительским целям, способствовали образованию и грамотности.

Текст часто заканчивался предисловием, в котором печатник сообщал читателям, какой царь или патриарх приказал напечатать данную книгу, указывалась дата начала и окончания работы. Иногда печатник просил прощения за ошибки, которые могли встретиться: «Аще обрящеши, читатель православный, погрешения... любезно исправи, делавши во время мятежно, прости». Книги следовало беречь, поэтому были и суровые наставления: «Аще кои поп или дьяк чтет сию книгу, а не застегнет — проклят будет».

О некоторых из старинных русских книг XV — начала XVII вв., находящихся в Тюменском областном краеведческом музее, опираясь в ряде случаев на работы таких дореволюционных и советских исследователей, как П. В. Владимиров, А. А. Сидоров, А. С. Зернова и некоторых других, мы и расскажем читателю.

Книга, которой пять веков

Среди собранных Н. М. Чукмалдиным старинных книг есть необычайно редкая — одна из древнейших печатных книг не только на Руси, но и вообще в славянских странах. На деревянных корочках книги — зеленый бархат, потускневший от времени. На нем следы прежних металлических украшений и «жуков», предохранявших обложку от трения. Начало книги не сохранилось, поэтому о титульном листе судить трудно.

Это «Триодь постная», изданная около 1491 г. Швайпльтом Фиолем в одном из центров европейского книгопечатания — средневековом Кракове. Книга содержит молитвы и псалмы на Великий пост, сочиненные древними отцами христианской церкви. Триодь — книга, состоящая из трех книг, трех больших разделов. Даты выхода на книге нет, 1491 год указан на некоторых других книгах, выпущенных Фиолем (год рожд. неизв., ум. в 1525).

«Триодь постная» принадлежит к числу инкунабул, то есть первопечатных книг, относящихся к детству книгопечатания, к начальному периоду книжного дела. Слово «инкунабула» — латинское и буквально означает «в колыбели».

Появление этой книги — одной из четырех, напечатанных Фиолем, во многом загадочно. Исследователи относят их историю к недостаточно решенным вопросам книгопечатания. До сих пор не совсем ясно, что побудило немца Швайпольта Фиоля издать четыре богослужебных книги: Осмогласник, Часослов и две Триоди (цветную и постную) — на русско-славянском языке для православного богослужения.

О себе Фиоль в послесловии к Осмогласнику пишет: «Докончена бысть сия книга у великом граде у Кракове при державе великого короля польского Казимира. И dokonчена бысть мещанином краковским Швайпольтом, Фиоль, из немецкого роду, Франк...» Эта скупая запись вызвала много толкований. Были предположения, что здесь речь идет о двух людях — Фиоле и Франке и что немец Франк — компаньон славянина Фиоля. Эти же слова дали повод предположить германское происхождение Фиоля.

Исследователи узнали, что шрифт для Фиоля изготовил окончивший краковский университет немец Рудольф Борсдорф. «Два немца на чужбине, в Польше, для чего-то посвящают немалые труды публикации славянских еретических книг. Фиоля арестовывает святейшая инквизиция, однако выпускает... Все это таинственно», — пишет современный исследователь А. А. Сидоров.

Есть мнение, что Фиоль не был подвижником просвещения, а взялся за издание книг как предприниматель, выполняя заказ какой-то славяно-русской церковной организации. А некоторые из изучавших историю создания книги полагают, что Фиоль был поляком из Кракова, и его настоящее имя — Святополк.

Как же определили, что «Триодь постная», выпущенная без указания имени издавшего и без года выпуска, напечатана Фиолем? Для нее характерны все особенности, что и для других книг, изданных Фиолем. У «Триоди постной» некрупный, простой шрифт, узкие поля. Начала фраз, разделов, некоторые абзацы текста и слова, особенно важные в смысловом отношении, напечатаны красной краской, например, киноварью набраны заголовки: «О пророчествах Исаяя чтение», «Слово о житии Марии египтяныни» и другие. В начертании букв обращают на себя внимание тонкие линии и следы нажимов — то есть в шрифте Фиоля еще налицо остатки рукописной традиции. Ни в одной другой славяно-русской книге нет такого обилия вариантов буквы «о»: здесь и обычное «о», и с двумя точками внутри, и двойное, т. е. состоящее из двух букв, слившихся между собой и т. д. Разделение на слова внутри фразы нет, пробелы оставлены только на месте знаков препинания, переносных знаков тоже нет.

Хотя вопрос о мотивах, побудивших Швайпольта Фиоля к выпуску книг на славянском языке, окончательно не решен, во многом даже таинствен, его деятельность имела большое значение. Книги, напечатанные Фиолем, имели довольно широкое хождение на Украине и в Московской Руси.

С уважением разглядываешь в библиотеке музея древнее создание типографского станка, прожившее половину тысячелетия, и думаешь: будет ли окончательно снята завеса с многовековой тайны выпуска этой книги?

Издание Франциска Скорины

А вот толстая, не очень большого формата книга с потускневшим от времени позолоченным орнаментом на темно-коричневой коже переплета. Когда ее открываешь, возникает впечатление, что это — рукопись. Первые листы написаны от руки скорописью конца XVII — начала VIII вв. Но начинаешь листать дальше — и видишь, что эти листы просто вплетены взамен утраченных, и вплетены очень искусно, аккуратно. А дальше идет некрупный, красивый печатный шрифт.

Заголовок на титульном листе, заключенный в четырехугольную бордюрную рамку, написан киноварью. Он гласит: «Библия руска, выложена доктором Франциском Скориною из славного града Полоцька, богу ко чти и людям посполитым к доброму научению».

Эта очень редкая книга также создана на заре книгопечатания. Выпущена она «в лете тысяще пятсот девятого надесеть в славном великом месте Празском», то есть в 1519 году в Праге. Ее издатель — замечательный деятель белорусского просвещения и книгопечатания, ученый гуманист Франциск (Георгий) Скорина (род. около 1485 года, умер около 1551).

Сын купца из древнего русского города Полоцка, Скорина смог получить хорошее образование. Он окончил философский факультет Краковского университета, а потом экстерном сдал в Падуанском университете экзамены по медицине и получил звание доктора «в лекарских науках». Но любовь к своему народу, желание способствовать его просвещению подтолкнули Скорину заняться книгопечатанием.

В 1517 г. Скорина приехал в Чехию и создал в Праге типографию, напечатав в ней «Библию» на белорусском языке. Он желал, «чтобы братья мои Русь, народ, читая, могли лучше понимать». Том, находящийся в библиотеке, открывается обширным предисловием, где объясняется сначала название, а потом и значение этой книги. «Библиа греческим языком, порусский книги», — говорит Скорина. И сразу же становятся ясными образовательные задачи автора. Католическая церковь запрещала перелагать «Библию» на национальные языки, признавала ее только на латинском, непонятном простым людям. Скорина занялся переводом книги на белорусский язык. Он объяснил, что переводит ее для соотечественников не только ради нравственного воспитания. В средние века этот древний памятник письменности считали вместилищем многих наук. И Скорина предназначает его «для научения» «граматики или поруски говорячи грамоты», для познания «лоиги, онаже учить зводом розознати правду от кривды», риторики «еже есть красномолвность». То есть цели, которые он преследовал, переводя Библию, были, в основном, светскими.

В предисловиях, написанных Скориной к отдельным книгам «Библии», он комментирует древние сказания, приводит параллели из действительности. Трогательная параллель содержится в предисловии к книге «Левит». Он перечисляет жертвы, которые люди когда-то приносили Богу, пишет, что бедные могли приносить только «мерицу муки пшеничное». И Скорина скромно сопоставляет с этой жертвой свой труд ради соотечественников: «Також и мы, братиа, не можем ли во великих прослужити посполиту люду русского языка, сие малые книжки приносимо им».

Не раз Скорина с гордостью подчеркивает свою принадлежность к Руси, к русскому народу. «Из Полоцъка, из славного града Полоцъка», «Аз... рожденный в русском языке», — пишет он о себе. Он любовно стремится дать людям ясный, доступный перевод и указывает, что «положил вси речи краткими словы», т. е. прибегал к сокращению темных мест. Он особенно подчеркивал, что «книги выложены на русский язык», дорогой ему.

Сохранился портрет Скорины, на котором он изображен сидящим за столиком в окружении книг, с пером в руке. Это молодой, довольно дородный мужчина с бритым лицом. В морщинах лба, сдвинутых бровях — печать напряженной мысли. На нем просторный кафтан и берет доктора наук.

«Библия» в издании Скорины создана на высоком типографском уровне. У нее очень ровный, четкий, красивый шрифт. Впервые в славяно-русских изданиях введена нумерация по листам. Начальные буквы глав заключены в рамки, перевиты цветами, листьями, плодами, а иногда украшены изображениями каких-то птиц и зверей.

Начало ряда книг «Библии» предваряется гравюрами — заставками, где даются фигуры шаловливых амуров и крепкие мужские фигуры в окружении листьев и гибких растений. В середине заставок всегда можно видеть своеобразный герб Скорины — соединение двух суровых человеческих лиц, из которых одно изображает солнце, а второе — луну.

Видно, что многие гравюры из находящейся в библиотеке музея книги были вырваны еще когда-то очень давно. И древний добросовестный реставратор, вставив соответствующие листы и переписав текст, отметил недостающие заставки тем, что расположил на их месте аккуратно начерченные рамки.

Некоторые листы в середине книги и три последних тоже, как и начало, написаны от руки. Значит, когда-то очень давно книгой пользовался человек, любящий и ценящий печатное олово. Очевидно, она попала к нему в неисправном виде, и он дополнил книгу по другому экземпляру.

После выпуска «Библии» Скорина перенес свою издательскую работу в Вильно — столицу Литовского княжества и там выпустил еще несколько книг. Но его деятельность в Вильно была несчастливой. С одной стороны, он подвергался нападкам со стороны иезуитов — католиков за то, что печатал книги кириллицей, по-славянски, для Руси. Однако и верхи православной церкви от-

Портрет Франциска Скорины. 1517 г.

Культурная норма

носились к Скорине и его книгам подозрительно, так как по своему вероисповеданию он, очевидно, был католиком. Поэтому последние годы своей жизни Скорина провел в Праге в качестве ученого садовода королевского ботанического сада.

Вся деятельность этого основоположника книгопечатания в Белоруссии и Литве проникнута любовью к Родине, стремлением принести ей пользу. Книги Скорины получили широкое распространение. Они читались не только в Белоруссии, но и в русском государстве, в Чехии, в Литве, способствуя культурному сближению славянских народов.

КНИГИ ПЕРВОПЕЧАТНИКА ИВАНА ФЕДОРОВА

С волнением и каким-то благоговением смотришь на книги, которые вышли из рук славного русского первопечатника Ивана Федорова (год рожд. неизв., умер в 1583). Издавна с его именем связывается начало книгопечатания на Руси. Правда, уже целое столетие можно слышать голоса, что еще до Федорова были опыты печатания книг. Но, возможно, эти опыты производились тем же Иваном Федоровым. А может быть, в деле книгопечатания он опирался на успехи своих предшественников.

...Начало 60-х годов XVI века. Драматические времена Ивана Грозного как раз перед опричниной. Но именно в эту пору выдающийся по уму и способностям дьякон собора Николы Гостунского Иван Федоров добился создания в Москве Печатного двора. На Никольской улице выросло довольно причудливое по архитектуре здание. Здесь вместе с помощником

Фрагмент памятника Ивану Федорову в Москве.
Скульптор С. М. Волнухин

Петром Мстиславцем Федоров напечатал на своем станке в 1564 г. знаменитый первопечатный «Апостол». Эта прославленная книга была когда-то приобретена Н. М. Чукмалдиным и существовала в фондах музея, но, к глубочайшему сожалению, потом оказалась утраченной.

Благородной и высокой целью Ивана Федорова было трудиться «ради братии моих к ближних моим». Но реакционная часть духовенства и боярства отнеслась к деятельности Федорова с большим подозрением. Его стали обвинять в безбожии, угрожать расправой. Поэтому из Москвы Федоров должен был уехать и отправиться «в страны незнаемые»; впоследствии он писал: «Мы подвержены были беспрестанно всяким озлоблениям не от самого государя, а от многих начальников, духовных и светских, которые из зависти умышляли на нас многие ереси, намереваясь благо превратить во зло и божие дело вконец погубить».

Свой типографский труд Федоров продолжал в местечке Заблудове (Литва), в имении гетмана Г. А. Ходкевича. Гетман, хотя и разрешил печатание книг, но в то же время не желал ввязываться в неизбежно связанную с этим политическую борьбу и предпочел бы, чтобы и Федоров книгопечатанием не занимался. Он подарил Федорову поместье и предложил ему заняться хозяйством. Но русский печатник отказался от поместья. «Не пристало мне, — писал он потом, — в пахании да сеянии семян жизнь свою коротать, вместо сохи ведь у меня ремесло художественное, вместо семян житных духовные семена надлежат мне по свету рассеивать и всем раздавать духовную эту пищу». Эти гордые слова дышат замечательным пониманием своего истинного призвания и значения.

Федоров создал в Литве при помощи простых горожан типографию и там напечатал ряд книг. Последняя типография Федорова была в г. Остроге на Волыни. В XVI в. этот город, хотя и вошел в состав шляхетской Польши, был одним из центров украинской культуры. Здесь была известная Острожская греко-славянская школа.

Испытания, горести, скитания не убили в Федорове надежду служить делу просвещения. По предложению князя К. К. Острожского, он напечатал там сначала «Псалтырь» (с «Новым Заветом»), а потом «Библию». Эти-то книги и находятся сейчас в библиотеке Тюменского музея.

«Псалтырь» — небольшая по формату толстая книжка. Набрана она очень мелким, тонким шрифтом и украшена несколькими изящными заставками с изображением растений. На титульном листе — заглавие, напечатанное красной краской и обрамленное рамкой, по поводу которой много писали специалисты по старопечатной книге. В составе рамки внизу — олень и единорог, лежащие на земле. Средневековому мировоззрению обычно было свойственно вкладывать в изображения какой-либо скрытый смысл. И знатоки старинной книги стремятся объяснить, какое значение заключено у Ивана Федорова в этих изображениях. Но, пожалуй, ни одно из объяснений не является достаточно убедительным.

На обороте титульного листа «Псалтыри» — герб издателя книги князя К. К. Острожского: в овале среди геральдических знаков — два сражающихся воина. На предпоследней странице, в послесловии, сообщается: «...Начата и совершена бысть сия книга Нового Завета... в богоспасаемом граде... Остроге многогрешным Иоанном Федоровым сыном з Москвы в лето 1580». На обороте листа — типографский знак с надписью: «Иоанн Федорович, печатник з Москвы». То есть имя и отчество русского первопечатника — Иван Федорович.

Простые люди не имели в ту пору фамилии, называли себя по имени отцов. «Иван сын Федоров» обычно говорили в старину. Только выделившись чем-то из среды односельчан или мастеровых — ремеслом, а чаще богатством, положением — человек имел право писаться с отчеством. У русского первопечатника отчество закрепилось как фамилия, в то время как он сам называл себя Москвитиним. И в этой фамилии, и в словах «печатник з Москвы» слышится патриотическая гордость русского человека.

Страницы «Псалтыри» из библиотеки музея хранят следы частого употребления. На них много пометок: когда, в какие дни должен читаться тот или иной

Острожская библия, 1518 г. Титульный лист.
Библиотека редких книг
Тюменского областного краеведческого музея

текст. Есть и такая грустная запись: «20 день лета 6184 ноября скончался раб божий Василий». Этой записи уже 300 с лишним лет. Сделана она в 1676 г. Многие листы необычайно бережно подклеены и дописаны искуснейшим писцом, удивительно воспроизведшим шрифт книги.

Знаменитая острожская «Библия» — громадная книга, содержащая 1256 страниц. Текст дается в два столбца, напечатанных тем же мелким, но весьма четким и явным, что и в «Псалтыри», шрифтом. И сейчас еще очень прочна кожа, обтягивающая доски переплета, в прекрасной сохранности застежки. Все сделано добротнo, солидно, прочно, на долгие времена.

И здесь на обороте титульного листа те же сражающиеся воины на конях, один из которых пронзил поверженного дракона. Герб окружен виршами, написанными, как полагают, Герасимом Смотрицким (он был сначала учителем,

а потом ректором Острожского греко-славянского училища). Эти древние стихотворные строки звучат тяжеловесно:

*Сповержен воин змия поправе мужественно,
Копием сего посреде пронзе явественно...*

И воин, поразивши «древнего враждебника человеческого рода», олицетворяющего зло и невежество, отождествляется с теми, кто выпустил эту книгу.

На следующих листах — два предисловия. Образованный и знающий иностранные языки Иван Федоров помещает первое предисловие, написанное тем же Герасимом Смотрицким, на двух языках — греческом и славянском. Оно дается от имени издателя: «Я Константин... князь Острожский... сподобился начало положить и свершение видеть дела сущего честного», то есть печатания этой книги.

В издании «Библии» князь Острожский и Иван Федоров видели прежде всего политическую задачу. В Юго-Западной Руси в ту пору очень сильна была пропаганда католицизма. Иезуиты

Заставка к одной из глав «Острожской Библии»

стремились способствовать переходу украинских земель под начало папы. «Библия» на старославянском языке, близком к языку украинскому, должна была противодействовать католическому влиянию.

Во втором, уже собственном предисловии, Федоров отметил, что печатание книги было трудным, так как набирать текст было не с чего, «Библию» нигде нельзя было найти. Она была получена только «от благочетива и в православии изрядно сиятельна государя и великого князя Иоанна Васильевича Московского...».

В Острожской «Библии» проявилось замечательное типографское мастерство Ивана Федорова. В книге несколько очень красивых шрифтов — от крупного в заголовках до изумительно изящного мельчайшего в послесловии. Очень художественны заставки, использующие растительные темы. Заглавные буквы — инициалы — заключены в рамки и украшены тонкими узорами. После каждой из глав идет небольшой рисунок, составленный обычно из геометрических и растительных мотивов. (Кстати, некоторые исследователи выдвигают предположение, что Иван Федоров был не только типографом, но и художником-гравером.) В целом громадный текст приятно разнообразится рисунками и зрительно не утомляет читателя.

На последней странице — печатный знак Федорова, и после него — по-гречески и по-старославянски по обычаю отмечено: «Книга Ветхого и Нового завета напечатана мною многогрешным Иоаном Федоровым сыном з Москвы в богохранимом граде Остроге в лето ... 1581 месяца августа 12 дня». И здесь первопечатник не забыл напомнить о том, что он — русский, московский человек.

На ряде первых листов книги — очень старые, выцветшие записи пером. Можно разобрать владельческую запись: «Дворцовой слободы жителя... Луки Федорова сына Попова». Этот Лука Федорович Попов, которому когда-то принадлежала «Библия», конечно, не был простым человеком. Во-первых, у него была фамилия, а во-вторых, приобрести такую книгу мог только весьма обеспеченный человек, так как книги стоили очень дорого.

...На могильной плите замечательного мастера печатного дела, скончавшегося во Львове, было написано: «Иоан Федорович, Друкарь Москвитин...» И под изображением типографского знака: «Друкарь книг пред тым невиданных». Эта надпись красноречиво говорит о величии подвига русского первопечатника.

В 1909 г. в Москве, близ того места, где находился построенный Иваном Федоровым Печатный двор, поставлен памятник великому русскому первопечатнику (скульптор С. М. Волнухин). На памятнике воспроизведены замечательные слова Ивана Федорова: «Ради братий моих и ближних моих»...

ЕЩЕ ДРЕВНЯЯ КНИГА

А вот, может быть, менее знаменитое, но тоже славное имя — Андроник Тимофеевич Невежа (год рожд. неизв., умер ок. 1603). Это ученик и преемник Ивана Федорова на московской почве. Существует мнение, что московская типография Ивана Федорова была сожжена невежественными людьми и монахами — переписчиками книг. Последние, дескать, убоялись, что книгопе-

Культурная норма

чатание лишит их средств к существованию. Однако ныне исследователи склонны отрицать этот факт. Они считают, что Иван Федоров, уезжая из Москвы, оставил типографию своим преемникам Невеже и Тарасьеву. Эти печатники и продолжали там трудиться.

В 1571 г. в Москве был страшный пожар. Печатный двор сгорел. Типография была переведена в новую резиденцию Ивана Грозного — Александровскую слободу. Царь, разгневанный в ту пору мнимыми или реальными боярскими изменами, «учинив опричнину», основал в этой слободе «особый двор государев». Придавая большое значение книге, он и взял в слободу типографию. Здесь Андроник Невежа продолжал книгопечатание, а затем вернулся в отстроенную Московскую типографию. Он трудился там после смерти Грозного при царях Федоре Иоанновиче и Борисе Годунове. Так в течение тридцати с лишним лет Андроник Невежа успешно занимался книгопечатанием. Как считают специалисты, он, может быть, и не достиг искусства Ивана Федорова, но был мастером своего дела.

Лучшей книгой, напечатанной Невежей, является «Апостол», то есть книга об апостольских деяниях. Как раз она и находится в библиотеке Тюменского музея. Это довольно большая очень нарядная книга в красивом переплете из темно-красной кожи с золотым тиснением и зеленым бархатным корешком. Она очень пропорциональна по формату и толщине, производит впечатление гармоничности, изящества, завершенности. Золотой обрез листов с тисненым рисунком прекрасно соответствует праздничности ее оформления.

В послесловии к «Апостолу» сказано, что книга напечатана по велению «великого государя благочестивого царя и великого князя Федора Иоанновича всея великия России самодержца». Царь Федор, о котором его современник сказал: «Благоюродив бысть от чрева матери своя и ни о чем попечения имея, токмо о душевном спасении», видимо, заботился об издании религиозных книг. Еще большую заботу об этом проявлял царский шурина Борис Годунов.

В «Апостоле» указаны выходные данные: «Совершени же быше книги сия лета седмь тысящ сто пятого июля в 4 день...», то есть в 1597 г. Далее впервые указан и тираж: «Напечатано книг сих вкупе тысяча пятьдесят». Наконец, говорится, кто же явился печатником: «Труды... многогрешного непотребного раба Андроника Тимофеевича сына Невежи...» В этом самоуничижении ярко проявляется связь с древней традицией русских книжников, с их благородной скромностью и сомнением, все ли они сделали для людей, как нужно.

В «Апостоле» много заставок. Мотивы трав и цветов даются то на черном фоне, как у Ивана Федорова, то линии, слагающиеся в рисунок, подаются на фоне белом. Рисунки заставок не одинаковы по своему характеру. Есть заставки, воспроизводящие какие-то экзотические растения, а другие изображают простые скромные цветы русских лугов.

На одной из страниц «Апостола» помещена большая гравюра, изображающая апостола Луку. Мы видим немолодого человека, сидящего на скамье и держащего на коленях рукопись. Под ногами у него — скамейка, рядом — столик с двумя сосудами. Видимо, в одном сосуде налиты чернила, в другом — киноварь для заглав-

ных букв и «красных» строк. Кроме того, в одном из двух сосудов — гусиное перо. Так изображены приемы писания в древней Руси. Эта гравюра напоминает другую знаменитую гравюру, изображающую того же Луку из «Апостола» Ивана Федорова. Видно, что Невежа учится у своего прославленного учителя. Имя Андроника Тимофеевича Невежи, часто находящегося в тени по сравнению со славным именем Ивана Федорова, также тесно связано с историей русского книгопечатания.

МЕЛЕТИЙ СМОТРИЦКИЙ И ЕГО «ГРАММАТИКА»

Авторов учебников и учебных пособий, особенно по такому «мирному» предмету, как грамматика, обычно представляют кроткими, спокойными учеными, которые в тиши кабинетов занимаются излюбленной наукой. А вот автор одной из самых первых славянских грамматик Мелетий Смотрицкий (1577—1633) прожил бурную жизнь,

Его настоящее имя — Максим. Украинец по национальности, он родился в семье Герасима Смотрицкого. Учился в Острожской школе, а потом в иезуитской коллегии в Вильно.

Став наставником детей князя Соломерецкого, он совершил с ними образовательное заграничное путешествие и слушал лекции в ряде европейских университетов.

Смотрицкий принял живейшее участие в общественной жизни своего времени и написал ряд работ по вопросам религии, веры и церкви. Впрочем, в этих работах он касался и других общественных проблем.

Большую известность получило сочинение Смотрицкого «Фринос или плач восточной церкви». Это произведение, написанное в 1610 г. под псевдонимом Феофила Орфолога, отличается большой эмоциональностью и выражает самое большое сочувствие украинцам и белорусам.

В ту пору, во второй половине XVI в., Польша и Литва по Люблинской унии 1569 г. образовали одно государство — Речь Посполитую. Границы этого государства продвинулись далеко на восток. Украинское, белорусское и русское население Речи Посполитой страдало от феодального, национального и религиозного гнета. Польские пань жестоко угнетали эти национальности, считали их низшими, правительство подчас принуждало православное население принимать католичество или унию с Римом. Поэтому «Фринос» Смотрицкого имел огромный успех среди широких кругов угнетенного населения. Смотрицкий резко выступает против католических церковников. Но в некоторых местах своей книги он метит и в высшее православное духовенство, которое не стремится облегчить бедствия простых людей, а, наоборот, постоянно взимает деньги с верующих.

«Фринос» Смотрицкого появился в очень сложный для Речи Посполитой период. Еще совсем недавно польские магнаты активно стремились вмешаться в дела русского государства. Они организовали вторжение в Россию войска во главе с Лжедмитрием I. После того, как тот был убит, польские магнаты поддержали Лжедмитрия II. В 1609 г. Сигизмунд III Ваза начал открытые военные действия против русского государства. Однако русский народ разгромил польских интервентов.

Культурная норма

Все эти события явились причиной того, что Сигизмунд III отнесся к «Фриносу» Смотрицкого резко отрицательно: в пору военных неудач Речи Посполитой автор «Фриноса» выражал возмущение угнетателям украинского и белорусского народа. И по указу короля типография в Вильно, где печатался «Фринос», была разгромлена. Книгу велено было сжечь. Автору же, оставшемуся неизвестным, удалось уцелеть, так как он подписал «злокозненное» сочинение псевдонимом.

В 1618 г. Смотрицкий под именем Мелетия постригся в монахи, занял видное место в Виленском православном братстве, а потом стал Полоцким архиепископом. В напряженных поисках духовных истин он совершил ряд путешествий в восточно-европейские страны, в Константинополь, Палестину. В конце-концов Смотрицкий, колебавшийся в вопросах веры, перешел к униатам, хотя сначала и скрывал это. Его книга «Апология своего путешествия на восток», в которой он предлагал сделать церковь единой, была предана грозной анафеме на церковном соборе в Киеве в 1628 г. православными участниками собора. От Смотрицкого потребовали отречения от книги, и он, не желая обострять отношений с православным духовенством, сам участвовал в провозглашении проклятия своему сочинению, топтал его ногами и жег. Но после окончания собора он уехал из Киева в Дерманский монастырь и заявил о своем переходе к униатам. В этом монастыре он и закончил свои дни.

Еще в тот период, когда Смотрицкий был простым монахом Виленского братства, он преподавал в школе этого братства «свободные науки» (грамматику, диалектику, риторику) и старославянский язык. Этот язык на Украине и в Белоруссии, как и православная церковь, был знаменем борьбы за родную восточнославянскую национальную культуру. Православные школы очень нуждались в учебниках и пособиях по старославянскому языку. И Смотрицкий написал для своих учеников знаменитую «Граматику словенскую» — выдающийся для своего времени учебник. Она была напечатана в Евье (под Вильно) в 1619 г.

«Грамматика» Смотрицкого широко распространилась в славянских странах. В юго-западной России она способствовала борьбе за родную языковую стихию против усиленного насаждения польского языка. Затем «Грамматика» была издана в Москве в 1648 и 1721 гг.

В библиотеке Тюменского музея хранится экземпляр «Грамматики» Смотрицкого. В послесловии сказано, что книга эта «произведена» «типографским художеством» по повелению царя Алексея Михайловича в 1648 г., то есть это первое в России издание славного учебника.

На страницах книги можно видеть любопытную владельческую запись: «Сия книга грамматика принадлежит к числу книг Тита Ефимова». И далее, видимо, с большим удовлетворением отмечено: «Своей рукой подписано». Этот неведомый грамотей Тит Ефимов обращался с книгой бережно, она сохранилась хорошо. Цел переплет, жуки, застежки; страницы цвета старой слоновой кости не испачканы. Правда, титульного листа нет, поэтому заглавие прочитать нельзя, а оно гласило: «Грамматики Словенская, правильное Синтагма, потщанием многогрешного мниха Мелетия Смотрицкого».

Наш экземпляр книги начинается предисловием, добавленным московским издателем и обращенным к «хотящим к разуму учения грамматического». Автор предисловия красноречиво убеждает читателя в необходимости изучения грамматики. Никто без нее не обойдется, ни старик, ни юноша, ни ребенок: «... понеже на времена розвожу, и на числа разочту, и на лица розскажу... и роды розберу, и вся в письменах прочая устройства удобно и разумно со всеми просодиями, и с точками, и с запинками, статно и внятно учиню».

По словам автора предисловия, грамматика — источник разума. А разум — «свет есть... тогда как неразумие — тьма». Далее следуют «Похвальные слова», в которых восхваляются знания. И как бы сама грамматика говорит: «Чтущего меня — почту, любящего возлюблю».

«Грамматика» Смотрицкого рассматривает орфографию, этимологию, синтаксис и просодию (то есть стихосложение). Некоторые грамматические правила, определения и термины, принятые у нас в настоящее время, впервые были введены именно Смотрицким. Как-то необычно видеть в книге начала XVI в. такие знакомые нам термины, как «существительное», «прилагательное», «числительное», «именительный», «множественное число» и т. д.

К книге приложено «Сословие имен по азведи», то есть словарь собственных имен, добавленный московским издателем. Имена не только перечисляются по алфавиту, но и даются их толкования, перевод с других языков: «Аввакум — борец, сильный», «Авдей — раб господен», «Аверкий — дерзновений» и т. д.

«Грамматика» Мелентия Смотрицкого оказала большое воздействие на последующее развитие грамматической науки как на Руси, так и в других славянских странах. На Руси она служила учебным пособием до появления «Российской грамматики» М. В. Ломоносова.

«АРИФМЕТИКА» Л. МАГНИЦКОГО

Славной книгой начала XVIII в. является «Арифметика» Магницкого. Леонтий Филиппович Магницкий (1669–1739) был очень образованным для своего времени человеком. Он учился в Московской славяно-греко-латинской академии, изучил там латинский, греческий, а потом — уже самостоятельно — немецкий, голландский и итальянский языки. Он очень много занимался математикой, читал книги по этой науке на иностранных языках и стал одним из самых крупных в России специалистов-математиков.

В 1701 г. в Москве открылась школа «математических и навигацких, то есть мореходных хитростно наук учения». Магницкий был назначен туда преподавателем математики и находился в этой должности до конца своих дней. Он написал и в 1703 г. напечатал «Арифметику», которую можно видеть в библиотеке Тюменского музея.

Внешне этот учебник совсем не похож на современные учебники. Это массивная книга с деревянными корками, обтянутыми кожей. На титульном листе учебника — весьма длинное обстоятельное заглавие-рассказ: «Арифметика, сиречь наука числительная. С разных диалектов на славянский язык переведенная, и воедино

Культурная норма

собрана, и на две книги разделена... в богоспасаемом царствующем великом граде Москве типографским тиснением ради обучения миролюбивых российских отроков, и всякого чина и возраста людей на свет произведена. Сочинися сия книга через труды Леонтия Магницкого».

Учебник издан с большой любовью и большим расположением к тем, кто будет по нему учиться. На обороте титульного листа — изображение учащихся отроков в окружении цветов и злаков. В овале — слова: «Тако цветет человек яко цвет селный». То есть истинное цветение человеку придают разум, науки. Под этим изображением — обращенные к ученикам стихи:

...Арифметике любезно учися;

В ней разных правил и штук придержися...

На фронтисписе книги — изображения знаменитых математиков древности. Слева — Пифагор с весами и таблицей, справа — Архимед с небесной сферой и математическими формулами.

Далее снова следуют стихи автора о пользе математических наук, которые потребны людям всех чинов и всякого мастерства:

Ремесленником и художным,

Подданным всяким и велможным...

Ныне бо и всяк лучший воин

Ону науку знать достоин.

Автор «Арифметики» подчеркнул с патриотической гордостью, что он в своем учебнике

... разум весь собрал и чин

Природно русский, а не немчин.

И далее: *Да будет сей труд*

Добро пользоваться русский весь люд.

Первая страница учебника украшена гравюрой, изображающей аллегорическую фигуру Арифметики. Величественно сидя в портике на троне, она держит в руках ключ от знания, сверху льется свет разума. На коленях по бокам трона начертано: Геометрия, Стереометрия, Астрономия, Оптика, Меркатория, География, Фортификация, Архитектура, то есть названы науки, не мыслимые без арифметики.

Интересно определение, «что есть арифметика»: «Арифметика или числительница есть художество честное, независтное и всем удобопонятное, многопольнейшее и многохвальнейшее, от древнейших же и новейших в разная времена являвшихся изряднейших арифметиков изобретенное и изложенное».

Книга Магницкого пронизана духом энергичной и деловой петровской эпохи, когда придавалось большое значение практическим знаниям. Она была не просто учебником арифметики. Эта книга являла собой энциклопедию тогдашних математических наук. Магницкий — один из сподвижников Петра I — дал сведения по алгебре, практической геометрии и тригонометрии, астрономии, геодезии, навигации.

Разделы, посвященные математическим наукам, перемежаются с другими, дающими много не только полезных, но также интересных сведений, например:

«Описание древних весов и монет европейских, греческих, римских и сравнение их с нынешними итальянскими, шпанскими, французскими и галанскими и иных земель...»

Книга прекрасно издана, изобилует многочисленными гравюрами и таблицами. Задачи, которые предлагаются ученикам, тесно связаны с тогдашним военным, морским и хозяйственным бытом. Обычно они сопровождаются наглядными рисунками. Если говорится о том, как «некий генерал имяше людей 49000 человек и хочет от сих баталию учинить», то на рисунке изображаются шеренги солдат, одетых в форму петровской эпохи. А если в задаче речь идет о том, что «окрест некоего града бяше водный ров, имущий внешнее окружение 440 аршин», то рядом возвышается островерхий средневековый город, окруженный рвом, внешнее окружение которого надо вычислить. Несколько раз в книге встречается изображение лисы, которая, очевидно, олицетворяет математическую «хитрость».

Автор «Арифметики» выступает как заботливый учитель, пекущийся об успешном усвоении математической науки. Не раз он обращается к ученикам с виршами, побуждающими к овладению новыми разделами учебника. Например, приступая к изложению пятой части арифметики — «О прогрессии и радиусах квадратных и кубических», — Магницкий обращается к «любезнейшему прочитателю» с призывом усвоить и этот раздел:

*Зане аще ты потщился,
Четвертой части изучился...
И за сие ты добре почтен,
К ученым в совете людям причтен.
Но еще молю тя потщися...*

По «Арифметике» Магницкого с 1703 г. училась вся Россия, а потом книга служила учебником для многих поколений русских людей. Учебник Магницкого говорит, что когда-то даже математика была связана с поэзией и многое давала не только уму, но и сердцу читателя. Она отвечала не только запросам разума, но и потребностям души.

По «Грамматике» М. Смотрицкого и «Арифметике» Л. Магницкого учился М. В. Ломоносов, с благодарностью назвавший эти книги, как и «Рифмованную псалтирь» Полоцкого, «вратами» своей учености.

КНИГИ ИОАННА МАКСИМОВИЧА

В бурном 1708 г. Россия воевала со Швецией. Шведский король Карл XII вел тайные переговоры с украинским гетманом Мазепой, который задумал отделить Украину от России. Коварный Мазепа, уличенный Петром I в измене, попытался очернить целый ряд видных лиц, в том числе черниговского архиепископа Иоанна Максимовича (1651–1715). Чтобы пробудить у царя недоверие к нему, Мазепа намеренно послал к архиепископу казака с письмом для создания видимости тайной переписки. Однако эта хитрость не удалась, Максимович смог оправдаться.

Культурная парша

В ноябре 1708 г. Петр I отправился в город Глухов для избрания нового гетмана взамен Мазепы. Для предания изменника проклятию царь вызвал туда несколько представителей высшего духовенства, в том числе и Максимовича. Сонмом духовенства Мазепе и его сообщникам была провозглашена анафема, а гетманом избрали Скоропадского.

Через несколько лет после этих событий, в 1711 г., Иоанн Максимович был назначен Петром I митрополитом Тобольским и всея Сибири. Одни духовные писатели объясняют это тем, что царь оценил достоинство Максимовича как просвещенного пастыря, в котором нуждался далекий край. Ведь еще в 1700 г. Петр I издал указ, согласно которому на Тобольскую митрополию следовало возводить людей не только благочестивых, но и ученых.

Другие же говорят об ином. Они рассказывают, что могущественный князь А. Д. Меншиков однажды выстроил в Черниговской епархии новую церковь и послал духовенству предписание осветить ее в назначенный им день. Однако архиепископ Иоанн, вопреки желанию Меншикова, назначил для освещения другой день. Меншикова это очень задело, и когда встал вопрос о назначении митрополита в Тобольскую митрополию, он коварно предложил на это место Максимовича. Тот, отправившись в Сибирь, будто бы оказал: «Да, мне далеко ехать, но он будет еще далее меня». Это предсказание сбылось. Позже Меншиков был сослан в Березов, где и умер.

Историки русской православной церкви, не жалея слов, восхваляют личность Иоанна Максимовича и его деятельность. Они пишут о его высокой нравственности, многих добродетелях, неустанных трудах на пользу просвещения и церкви. Действительно, деятельность Максимовича отмечена многими предприятиями. В бытность архиепископом в Чернигове он основал там в 1700 г. первую в России семинарию, назначением которой было готовить образованное духовенство. На посту Тобольского и всея Сибири митрополита Иоанн открыл по указу Петра I православную миссию в Китае, хлопотал об устройстве духовных дел на окраинах Сибири, уделял много внимания славяно-русской школе, основанной в Тобольске в 1703 г.

Отмечают, что Максимович отличался большим трудолюбием, скромностью, состраданием к бедным. Обычно он совершал свои благодеяния тайно. Переодевшись в простое платье, он посещал тобольских бедняков поздними вечерами, оставляя им деньги или вещи.

Иоанн Максимович был незаурядным проповедником и писателем, автором ряда сочинений, преимущественно на духовные темы. Он прекрасно знал латинский язык, а также владел искусством складывания виршей.

В библиотеке Тюменского областного музея есть несколько книг И. Максимовича. Здесь «Служба благодарственная о великой Богом дарованной победе над свейским королем Карлом XII и воинством его, одержанной под Полтавою в лето 1709 месяца июня в 27 день». Сочинение начинается виршами, сложенными Максимовичем в честь Петра. Автор выражает надежду, что благодарственная служба

*Да пособит царю
Петру государю
Врагов сокрушити,
Многолетно жити.*

В библиотеке также имеется экземпляр книги И. Максимовича, изданной в Чернигове в 1708 г. с таким названием: «Феатрон или позор нравоучительный царям, князям, владыкам и всем спасительный...» Эта весьма солидная по объему книга содержит наставления, советы и поучения всем, стоящим у власти. Старинное слово «позор» означает «зрелище», «то, что представляется взору». Свою книгу автор посвящает Петру I, по повелению которого она и была издана.

Книга дает начальствующим наставления быть добродетельными, благочестивыми, трудолюбивыми, добросердечными, этому примеру будут следовать и подчиненные: «Начальник бо наподобие солнца, всех на ся обращает очи, того ради благонаравно жителствовати долженствует». Эти мысли вызывали сочувственное внимание читателей. На полях одной из страниц библиотечного экземпляра после подобных рассуждений какой-то читатель написал стихи одного из поэтов XVIII в.:

*Когда ты издаешь, о царь, другим законы,
То сам те выполняй без всякия препоны...*

Сочинитель «Феатрона» постоянно обращается к библейской истории, к античным авторам и античной мифологии, прибегает и к примерам из новой истории, обнаруживая большую начитанность и образованность.

Конечно, писания Иоанна Максимовича связаны с его духовно-теоретическим образованием, в них много отвлеченно-схоластического. Однако Петр I выразил однажды одобрение его литературным трудам, наградив автора грамотой и подарками.

Умер Иоанн Максимович в 1715 г. в Тобольске, где и был погребен в одном из соборов. После смерти Максимовича появились возникшие в духовной среде рассказы о чудесных явлениях при его гробе: исцелениях больных, появлении необыкновенного света по ночам, когда слышалось еще и церковное песнопение. Духовенство стало распространять слухи о том, что митрополит Иоанн — святой угодник, и с 1879 г., в день его кончины (10 июня), в Тобольске ежегодно проводился торжественный крестный ход. Через 200 лет после смерти Иоанн Максимович был канонизирован, причислен к лику святых под именем Иоанна Тобольского.

Среди старопечатных книг в Тюмени еще много столь же уникальных, как и предыдущие издания: «Соборное уложение царя Алексея Михайловича» (рукописное и напечатанное), «Вечеря душевная» Симеона Полоцкого, «Хрисмологион» Николая Спафария — дипломата и переводчика XVII в. и другие знаменитые книги. Директор института истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР А. П. Окладников, ознакомившись в Тюменском музее с редкими книгами, написал 21 декабря 1972 г. Тюменскому облисполкому: «Коллекция печатных изданий включает настоящие жемчужины общеславянской и древнерусской культуры».

А. П. Окладников